

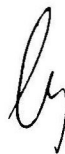
СМИРНОВА Елена Евгеньевна

**ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ВЕН. ЕРОФЕЕВА 1960-Х ГОДОВ
В СОСТАВЕ АВТОРСКОГО СВЕРХТЕКСТА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иваново – 2010

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Ивановский государственный университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент
Тюленева Елена Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Дефье Олег Викторович
Московский педагогический
государственный университет

кандидат филологических наук
Горбунова Ольга Ивановна
Шуйский государственный педагогический
университет

Ведущая организация: Костромской государственный университет
им. Н.А. Некрасова

Защита состоится 29 сентября 2010 года в 15 часов на
заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при Ивановском
государственном университете по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39,
ауд. 459.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ивановского
государственного университета.

Автореферат разослан «29» августа 2010 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000680992

Учёный секретарь
диссертационного совета

С.С.А.

Е.М. Тюленева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Записные книжки Вен. Ерофеева в совокупности с художественными текстами, подобно частям калейдоскопа, воссоздают единую картину мира писателя и образуют авторский свертхтекст. В системе этого свертхтекста записные книжки становятся значимыми для понимания и изучения эстетико-мировоззренческих установок автора и механизмов его работы над стилем. В качестве **материала** данного **исследования** выбраны прозаические тексты и записные книжки Ерофеева 1960-х годов. Ограничение материала хронологическими рамками не случайно. Такой подход позволяет выявить основные способы создания писателем текстов в один период времени и проследить направления дальнейшей работы.

Актуальность исследования определяется недостаточной степенью изученности прозы Вен. Ерофеева и его записных книжек в составе авторского свертхтекста. В настоящее время существует довольно много научных работ, посвященных творчеству писателя. Однако внимание исследователей сосредоточено, в основном, на анализе поэмы «Москва – Петушки». Остальные прозаические произведения упоминались в трудах литературоведов редко, а записные книжки предметом непосредственного исследования не становились. А между тем обращение к свежему текстовому материалу позволяет по-новому взглянуть на творчество Вен. Ерофеева, поскольку в записных книжках 1960-х годов, создававшихся параллельно с прозаическими произведениями, также формировался стиль автора.

Целью предпринимаемого **исследования** является уяснение своеобразия записных книжек Венедикта Ерофеева в жанровом и функциональном аспектах, а также их места в авторском свертхтексте писателя периода 1960-х годов.

Для достижения цели мы ставим ряд **задач**:

- рассмотреть сложившиеся в науке взгляды на проблему жанра записных книжек, систематизировать и обобщить их;

- рассмотреть проблему функционирования жанра записных книжек в русской литературе;

- определить место записных книжек Вен. Ерофеева в ряду записных книжек русских писателей XIX-XX веков;

- изучить историю создания записных книжек Вен. Ерофеева;

- описать структуру и рассмотреть ключевые мотивы записных книжек;

- выявить моменты влияния материала записных книжек на прозу автора;

- определить совокупность форм и способов организации сверхтекста Вен. Ерофеева;

- проанализировать мотивный уровень ерофеевского сверхтекста;

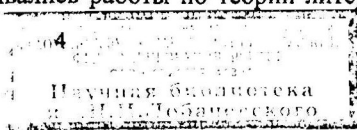
- описать стилистические доминанты сверхтекста и авторскую манеру Вен. Ерофеева;

- доказательно констатировать единство творчества Вен. Ерофеева на уровне его стиля.

Предметом непосредственного исследования являются жанр записных книжек и сверхтекст автора. **Объект изучения** – записные книжки Вен. Ерофеева 1960-х годов и прозаические произведения писателя: «Записки психопата» (1956–1958), «Москва – Петушки» (1969–1970), «Проза из журнала “Вече”» (1973).

Методология исследования построена на сочетании сравнительно-исторического, типологического и структурного методов, а также приемов сопоставительного и мотивного анализа. Изучение материала сверхтекста также сделало необходимым привлечение биографического метода и метода интерпретации.

Методологическую и теоретическую основу диссертации составили труды по истории литературы М. Гаспарова, Е. Эткинда, Л. Чернец, М. Михеева и др. Нами учитывались работы по теории литературы веду-

щих представителей отечественной и зарубежной гуманитарной науки: М. Бахтина, В. Хализева, Н. Тмарченко, Л. Гинзбург, Р. Барта, У. Эко, Ю. Кристевой, Ж. Дерриды; Е. Местергази, П. Палиевского, Н. Меднис, А. Лошакова, В. Диановой, И. Ильина и др. А также статьи и монографии, посвященные творчеству Вен. Ерофеева (А. Яблокова, В. Муравьева, И. Скоропановой, М. Липовецкого, В. Курицына, Н. Маньковской, Ю. Орлицкого, М. Элштейна, Е. Тюленевой и др.).

Научная новизна диссертации состоит в том, что для описания динамики развития стиля Вен. Ерофеева привлечен материал его авторского свертхтекста периода 60-х годов, состоящего из «Записок психопата», поэмы «Москва – Петушки», «Прозы из журнала “Вече”» и записных книжек. Причем записные книжки рассматриваются не как «творческая лаборатория» писателя, но как самостоятельный ядерный субтекст. Также с помощью включения записных книжек Ерофеева в авторский свертхтекст в качестве равноправного элемента осуществляется попытка вписать их в общий ряд текстов постмодернизма, т.е. вывести записные книжки за рамки вспомогательного жанра.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Записные книжки являются открытым жанром, мимикрирующим в разные эпохи в соответствии с текущими изменениями литературного процесса.

2. Записные книжки Вен. Ерофеева наследуют традиции жанра и в то же время могут быть свидетельством жанровых трансформаций, продиктованных как спецификой мироощущения самого писателя, так и формирующимися литературными и общекультурными тенденциями.

3. Записные книжки Вен. Ерофеева позволяют проследить процесс эволюции стиля писателя и обнаружить моменты работы автора над прозой.

4. Записные книжки Вен. Ерофеева могут быть исследованы не только как «творческая лаборатория» писателя, но и как самостоятельный полноценный текст.

5. Записные книжки Вен. Ерофеева неотделимы от его творчества, обнаруживают много общего с прозой автора на уровне организации текста и являются ядерным субтекстом ерофеевского сверттекста.

Научно-практическая значимость работы определяется тем, что ее основные положения, отдельные наблюдения и обобщающие выводы могут найти применение в последующих научных разработках. Результаты могут быть использованы при чтении лекционных курсов по истории русской литературы XX века, при подготовке практических занятий и составлении учебных пособий для вузов и школ.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в публикациях и докладах на ежегодных конференциях аспирантов и молодых ученых «Молодая наука в классическом университете» (Иваново, 2005, 2008, 2010).

Структура диссертации обусловлена его задачами, а также характером исследуемого материала. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы из 200 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** излагается история вопроса, обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, научная новизна, определяются цель и задачи исследования.

Первая глава «Записные книжки: специфика жанра» состоит из трех параграфов и раскрывает специфику жанра записных книжек в исторической парадигме.

В **первом параграфе** диссертации с опорой на работы М. Михеева и Е. Местергази показывается, что записные книжки относятся к числу мало

изученных жанров в общей системе жанров документальной литературы. Сложность исследования данного жанра связана с терминологической путаницей, существующей на уровне его определения. В настоящее время для обозначения широкого ряда «невывысленных» текстов используется большое количество не всегда синонимичных понятий, таких как: «документальная литература», «документально-художественная литература», «газетно-журнальная документалистика», «литература факта», «человеческий документ», «литература нон-фикшн (non-fiction)» и т.д. Последовательно рассмотрев каждый из этих терминов, мы, вслед за Е. Местергази, приходим к выводу, что обилие терминов является вершиной айсберга и служит индикацией ситуации «взлома», т.е. размыкания границ литературы в момент ее выхода вышедшей из привычных рамок. Поэтому литературоведам в ближайшем будущем предстоит обновить теоретическую базу данной проблемы, и начать придется с дифференциации существующей терминологии.

Во **втором параграфе** исследования предпринимается попытка проследить, как функционировал жанр записных книжек на протяжении истории своего бытования в отечественной литературе и шире – культуре, с целью уяснения основных особенностей данного жанра. Записные книжки, существующие едва ли не с момента возникновения письменности, исторически восходят к берестяным грамотам, которые широко использовались на Руси XI века для частной переписки и хранения информации о хозяйственных нуждах. На раннем этапе своего существования записные книжки носили бытовой характер и не претендовали на место в ряду художественных произведений. С XV века в записные книжки проникают личные переживания их владельцев, что положило начало смешению записных книжек и дневников.

В работе проанализирован ряд записных книжек писателей XIX-XX веков, результатом чего стало обнаружение общего в принципах их орга-

низации. Проведенное исследование позволило в **третьем параграфе** говорить о возможности подразделения записных книжек литераторов по признаку соотношения с другими видами творчества. Выделены, во-первых, записные книжки, являющиеся вспомогательным материалом для создания художественных произведений. К их числу относятся записные книжки Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И. Ильфа, где авторы собирали сюжеты, коллекционировали меткие фразы, оттачивали писательское мастерство. Во-вторых, записные книжки, являющиеся самостоятельными текстами, не имеющими прямого отношения к остальному творчеству. Здесь названы записные книжки А. Блока, О. Мандельштама, Л.Я. Гинзбург. Размытость границ данного жанра позволила говорить и о промежуточной группе записных книжек, в которых сложно определить доминанту – с одной стороны, в них прослеживаются черты «творческой мастерской», а с другой стороны, они воспринимаются как самостоятельное увлекательное произведение. Среди таких записных книжек – записные книжки А. Ахматовой, Вен. Ерофеева и М. Гаспарова.

Установлено, что в разные исторические эпохи записные книжки вбирали в себя черты других жанров. Например, в XIX веке это был синтез светского журнала и сборника анекдотов, в Серебряном веке – установка на жизнетворчество выливалась в попытку использования записной книжки для создания романа. Таким образом, записные книжки – это своего рода индикатор литературных процессов каждой эпохи. Во второй половине XX века произошла дестабилизация оснований в литературе, индикатором которой стал жанр. Первичные жанровые характеристики современного текста трансформировались, а акцент сместился на периферийные жанровые характеристики. В изменившейся литературной ситуации фрагментарный, промежуточный жанр записных книжек стал популярным и невероятно востребованным. Исследователи обратились к нему не с точки зрения поиска «творческой кухни» писателей, но как к самостоятельному инте-

ресному жанру. Читателем, подготовленным многочисленными постмодернистскими текстами, записные книжки начали восприниматься как произведение с большим количеством интерпретаций. Дешифрация смыслов и знание подробностей жизни автора перестали иметь значение для чтения таких текстов, поскольку записные книжки органично вписались в общий ряд текстов постмодернизма.

Обобщение рассмотренного материала, позволило определить ряд ключевых признаков жанра записных книжек и сгенерировать его рабочее определение. Вслед за чем была намечена одна из возможных схем исследования записных книжек, этапами которой являются: изучение истории создания текста, описание структуры текста, рассмотрение содержания текста (с акцентуацией ключевых мотивов), сравнения с аналогичными текстами, поиск переключек с чужими текстами. Эта схема, с небольшими отступлениями, легла в основу второй главы.

Вторая глава «Записные книжки Вен. Ерофеева 1960-х годов» посвящена определению места записных книжек Вен. Ерофеева в ряду записных книжек русских писателей XIX-XX веков.

В **первом параграфе** осуществляется обращение к проблеме публикации записных книжек автора. Прижизненного издания текста записных книжек Ерофеева не существует. Только в 2005 году вышла в свет книга под названием «Венедикт Ерофеев. Записные книжки 1960-х годов» под редакцией Алексея Яблокова. В настоящее время это единственная полнотекстовая публикация записных книжек Ерофеева. В 2007 году издательство «Захаров» выпустило книгу под названием «Ерофеев Венедикт. Записные книжки. Книга вторая», в которую вошли записи 1972–1978 годов. Этим же издательством готовится выход последнего, третьего тома записных книжек Венедикта Ерофеева. Таким образом, исследователи творчества Ерофеева получили доступ к уникальному материалу, с помощью которого можно по-новому взглянуть на жизнь и творчество писателя.

Второй параграф посвящен истории создания записных книжек Вен. Ерофеева. Писатель вел свои записи ежедневно в течение тридцати пяти лет, не прерываясь даже во время работы над прозой. «Параллельное письмо» отложило отпечаток как на записные книжки, так и на художественные тексты. Не случайно исследователи часто обращают внимание на дневниковость прозы Ерофеева, а в его записных книжках легко обнаруживаются точки пересечения с художественными произведениями.

В третьем параграфе исследуются структура и ключевые мотивы записных книжек Вен. Ерофеева. Записные книжки автора, с одной стороны, вписываются в рамки традиционных представлений о записных книжках писателей как рабочем материале для создания художественных текстов благодаря наличию многочисленных заготовок, использованных позднее в поэме «Москва – Петушки» и «Прозе из журнала “Вече”». Безусловно, на манеру ведения Вен. Ерофеевым «блокнотиков» и «тетрадочек» большое влияние оказали записные книжки русских писателей. Подтверждением этому служат сделанные им выписки из указанных источников. С другой стороны, записные книжки автора не могут быть рассмотрены только как творческая мастерская художника, поскольку характер указанного текста неоднозначен. Дело в том, что сбор материала для будущей прозы не являлся основной целью ведения записей Ерофеевым. Блокнотики и тетрадки стали для писателя своего рода копилкой интересующей его информации и помощником в ежедневных поисках собственного стиля. Включение в записные книжки 1960-х годов дневниковых записей, афоризмов, анекдотов, цитат из разных источников, создание текста из «чужих» текстов путем обыгрывания и деконструкции позволили Ерофееву значительно раздвинуть рамки данного жанра и в дальнейшем использовать накопленный опыт в творчестве.

Записные книжки 1960-х годов отражают процесс работы Вен. Ерофеева над структурированием разнородного материала. Естественно, что

принципы ведения автором записей трансформировались с течением времени. Так, если сохранившиеся отрывки из записных книжек 1959–1960 годов представляют собой каталог дней и событий реальной жизни писателя, то тетрадь 1961 года Ерофеев организует иначе. Основу текста записных книжек этого периода составляют выписки из сочинений русских и зарубежных мыслителей разных веков. Способ организации материала напоминает подборку информации по тематическому принципу. Однако, создавая коллажи из цитат, Ерофеев играет чужими текстами, заставляя людей, живших в разное время в разных точках мира, спорить друг с другом на страницах записных книжек. В результате подобных манипуляций возникает особое полифоническое семантическое пространство. Многочисленные коллажи и комментарии в записных книжках начала 1961 года построены по законам логики и, как правило, имеют устойчивое основание и четкую цель создания. Но уже заключительные записи этого времени утрачивают внутреннюю стройность и объединяющее начало. Неоднородность таких коллажей и вариативность их прочтения свидетельствуют об изменении у Ерофеева подхода к организации материала.

С 1964 года в записных книжках автора доминантой становятся «игры со словом», проявляющиеся в фиксации острот и афоризмов. Ерофеев вплотную занимается поисками собственного стиля, пытаясь путем трансформации привычных выражений выявить скрытые возможности языка. А записные книжки 1965 года обнаруживают прямые отсылки к прозе писателя, позволяющие говорить о том, что автор при создании художественных текстов возвращался к материалу блокнотиков и тетрадок и переиначивал его согласно общему замыслу. Т.е. работа над произведениями оказывала влияние на записные книжки.

Движение от простого выписывания информативных синтаксически законченных отрывков из различных источников к составлению коллажей из интересных с точки зрения стиля фрагментов фраз совершается в запис-

ных книжках 1966 года. В этот период также возрастает количество собственно ерофеевских острот и афоризмов, что свидетельствует о напряженной работе автора над стилем. В тексте все чаще встречаются автоцитаты из блокнотиков 1956–1959 годов и увеличивается плотность материала, который был использован Ерофеевым в поэме «Москва – Петушки» и в «Прозе из журнала “Вече”». Со временем эти тенденции в записных книжках писателя усиливаются. В 1969–1970 годах фиксация набросков к будущей прозе достигает своего апогея. Это уже не разрозненные фрагменты, разбросанные хаотично по записным книжкам, а целенаправленно разработанные сюжеты или даже связные отрывки, которые позднее были помещены автором в произведения.

Обобщая вышесказанное можно заключить, что записные книжки Вен. Ерофеева прошли тот же путь (о котором писала И. Скоропанова), что и проза писателя, т.е. от эссеистики и культурфилософии к художественной литературе. И благодаря сохранившимся блокнотикам и тетрадочкам исследователи творчества автора получили ключи к пониманию механизма этого процесса.

В третьей главе – «Записные книжки Вен. Ерофеева как элемент авторского сверхтекста» – записные книжки писателя рассматриваются вместе с его прозаическими произведениями в составе ерофеевского сверхтекста.

В первом параграфе определяются концептуальные основы ерофеевского сверхтекста. Выбранные в качестве предмета исследования субтексты объединяет эстетико-мировоззренческая установка писателя, ориентированная на структурирование хаоса и выстраивание реальности в соответствии с собственными представлениями о гармонии.

Эта концепция действительности нашла отражение в формах и способах организации сверхтекста Ерофеева. Мир писателя имеет разветвленную структуру с переплетающимися, часто условно связанными, элемен-

тами. Воссоздание такого мира осуществляется автором с помощью внедрения нелинейного повествования. Этот принцип реализован ярче всего в записных книжках, где соединение частей текста носит чисто случайный характер. В прозе писателя отсутствие линейного сюжета и структуры также является определяющим для ее построения. Фрагментарность и свобода соединения элементов текстов Ерофеева призваны расширить границы восприятия субтекстов. Читатель включается в интеллектуальную игру, выходит за рамки повествования и участвует в создании новых смыслов.

Основные приемы организации материала, которые писатель использует во всех субтекстах сверттекста, исследуются во **втором параграфе**. Они проявляют себя на уровне сюжета и композиции. Сюжетная сторона характеризуется использованием в прозе историй, фактов, анекдотов, изначально зафиксированных в записных книжках. Работа по данному направлению претерпевала серьезные изменения в процессе ведения записей. В самых ранних записных книжках на первом месте были опыты изучения Ерофеевым чужих текстов. Писателя больше интересовали сюжетные линии произведений мировой классики. Позже Ерофеев начинает фиксировать собственные наработки, нередко снабжая их указаниями самому себе развить какую-либо историю, раскрыть ее полнее вне записных книжек. Подобные записи могут служить своего рода ссылками, позволяющими исследователям проследить, как та или иная сюжетная зарисовка трансформировалась после перемещения из блокнотика в прозу.

Записные книжки Вен. Ерофеева отражают процесс поиска писателем сюжетов для создания прозы. Условно записи можно разделить на ученические, характеризующиеся подбором и изучением сюжетов мировой классики, и собственно рабочие, которые позднее автор использовал в произведениях. Записи первого типа немногочисленны и напоминают сжатый пересказ прочитанных в студенческие годы книг. Особое внимание Ерофеев уделяет зарубежной литературе, фиксируя сюжетные линии заин-

тересовавших его произведений. Собственно рабочие записи менее подробны. Чаще всего Ерофеев дает сам себе указания развить тот или иной сюжет.

Проведенное исследование показало, что сюжетное направление работы Ерофеева над текстом в записных книжках представлено незначительно. Это может быть связано с отношением писателя к построению сюжетов своих произведений. Ерофеев отказывается воспринимать мир линейно, что подтверждается самим фактом существования записных книжек с их бессюжетностью и ветвящейся структурой. Переплетение событий, конспектов, зарисовок и историй в записных книжках оттесняет сюжет на второй план, приобретая собственную ценность. Отсутствие линейного движения и случайность соединения элементов расширяют границы восприятия текстов Ерофеева, поскольку предполагают выход за их пределы и участие читателя в процессе создания новых смыслов.

Структурно-композиционное направление создания субтекстов также неоднородно. Ерофеев изначально анализирует формы построения текстов других авторов, отмечая наиболее интересные для себя конструкции. Далее можно обнаружить синтетические структурные образования, характеризующиеся приращением к изученным схемам организации материала собственных наработок в этой области. Постепенно в записных книжках появляются устойчивые ерофеевские конструкции, на основе которых он выстраивает законченные зарисовки и небольшие фрагменты. Ориентированность писателя на нелинейное восприятие действительности не могла не отразиться и на способе рассказывания текста. Расположение компонентов текста отличается кажущейся непреднамеренностью и часто не поддается логическому объяснению. Хаотично соединяющиеся внесюжетные элементы становятся основой организации ерофеевского сверттекста. Поиски индивидуальных форм построения текста в записных книжках позже нашли применения в создании прозы и проявились в использовании

автором базовых композиционных приемов.

Выворачивая наизнанку привычные способы построения материала, Ерофеев подвергает деконструкции часто используемый в литературе прием ретардации. Элемент замедления действия, являющийся второстепенным в произведениях классического типа, начинает играть в сверхтексте Ерофеева едва ли не центральную конструктивную роль. В записных книжках писателя действие сводится к нулю с помощью нагромождения причудливо связанных отрывков. Многочисленными ретардациями практически полностью вытесняется сюжет в «Записках психопата», «Москве – Петушках» и «Прозе из журнала “Вече”», что, в свою очередь, не влечет за собой рассыпание художественного целого, но приводит к созданию текстов, взрывчатых по своей природе. Прием эпического торможения по-разному реализуется в указанных произведениях, но в каждом из них становится важным элементом сюжета, изменив свое функциональное назначение: замедление оборачивается полным отсутствием действия. Здесь проявляется главная писательская установка – воспринимать любое, казалось бы, самое незначительное событие или действие как очень важное, имеющее особую ценность.

Эстетико-мировоззренческая установка Ерофеева на восприятие мира как хаоса проявляется и на мотивном уровне авторского сверхтекста, рассмотрению которого посвящен **третий параграф**. Выделенные в исследовании мотив смерти, мотив порядка, мотив сна и мотив безумия также переплетаются между собой в субтекстах писателя. Мотив смерти связан у Ерофеева с борьбой с хаотичностью мира. Он наслаивается последовательно на мотив сна, а затем на мотив безумия и деконструируется, демонстрируя неспособность человека упорядочить действительность. А мотив порядка проявляется в использовании числа для создания гармонии на композиционном и содержательном уровнях текстов. Однако попытка выстроить мир по законам собственной логики терпит неудачу. Достижение

гармонии здесь становится возможным только на уровне формы, поскольку число обнаруживает свою несостоятельность в сфере структурирования окружающей реальности. В связи с этим любая попытка упорядочить содержание завершается провалом, выражающимся в симуляции системности. Созданные микро- и макросистемы рассыпаются при малейшем вмешательстве, потому что не имеют устойчивого основания.

Четвертый параграф посвящен исследованию стилистических доминант сверттекста и авторской манеры Вен. Ерофеева. Дневниковость субтекстов писателя, с ее установкой на саморассказывание, наложила отпечаток на стиль сверттекста. Использование приема совпадения рассказчика и героя, наделение последнего именем и чертами характера автора, а также введение в сюжет реальных событий жизни писателя становятся композиционно-стилистическим центром сверттекста и стирают границы между реальностью и вымыслом. Результатом становится неразличение мира и текста. В этом также проявляются авторская установка на смешение разнородных явлений и их деконструкцию.

Герой-рассказчик является языковой личностью, чей индивидуальный стиль речи характеризуется своеобразием принципов сочетания и использования языковых средств. Форма выражения мыслей героя-рассказчика связана с самоидентификацией, проявляющейся в его потребности называть себя по имени в процессе повествования. Веничка, Венедикт, Ерофеев, Ерофейчик – неизменные обращения, организующие ерофеевский сверттекст. Частое называние по имени, как и подробные записи характеристик, данных герою-рассказчику другими людьми, помогает осознать и зафиксировать себя в окружающем хаосе. Так он буквально вписывается в создаваемое в процессе повествования пространство, становясь неотъемлемой частью этого мира. Имитация присутствия автора в тексте реализуется не только использованием приема совмещения героя и рассказчика, но и присвоением герою языка автора.

Система художественного языка ерофеевского сверттекста строится на повышенной детализации, частом цитировании различных источников, интертекстуальности, смешении высокого и низкого пластов лексики, неразличении реального и вымышленного. Его сверттекст, словно губка, вбирает в себя все, что автор считает важным и необходимым для описания своего мира. Иначе, используется любой языковой материал, который Ерофеев счел нужным вплести в текст. Стремление зафиксировать все, оставить себя на бумаге, иначе – «записать себя», становится центром всех текстов писателя. Текстовое пространство, которое выстроил Ерофеев, имеет множество общих точек пересечения и характеризуется единым стилем. Записные книжки здесь выступали и как копилка идей, и как точилка мастерства, и как самостоятельный текст, который можно читать отдельно от произведений. Рассмотренные в составе авторского сверттекста, проза и записные книжки Ерофеева обнаруживают много общего на всех уровнях построения текста. А исследование ключевых точек пересечения помогло выделить основные элементы стиля писателя и понять принципы его взаимодействия с текстовым пространством.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что стиль писателя, сформировавшийся в его сверттексте, имеет единую природу и реализует себя в записных книжках 1960-х годов и во всей его прозе. Составность стиля сложна по своей семантике: разнородные элементы сосуществуют друг с другом и выполняют множество функций.

В **Заключении** в обобщенном виде представлены основные выводы исследования и намечены дальнейшие пути изучения записных книжек Вен. Ерофеева.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

- 1. Смирнова Е.Е. Реализация приема ретардации в «Записках психопата» Вен. Ерофеева // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. Основной выпуск. Т. 14. Кострома, 2008. С. 138-139. 0,3 п.л.**
- 2. Смирнова Е.Е. Функция числа в поэме Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» // Вестник Читинского государственного университета. Теоретический и научно-практический журнал. Чита, 2008. С. 43-47. 0,5 п.л.**
- 3. Смирнова Е.Е. Система топонимов в поэме Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» // Филологические штудии. Сборник научных трудов. Выпуск 9. Иваново, 2005. С. 29-34. 0,5 п.л.**
- 4. Смирнова Е.Е. Категория числа в «Записках психопата» Вен. Ерофеева // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Курск, 2008. № 3 март. С. 108-110. 0,4 п.л.**
- 5. Смирнова Е.Е. Прием эпического торможения в прозе Вен. Ерофеева // Филологические штудии. Сборник научных трудов. Выпуск 11. Иваново, 2008. С. 94-101. 0,5 п.л.**

Подписано в печать 24.08.2010. Формат 60х84 1/16.
Печать плоская. Уч.-изд. л. 0,8. Печ. л. 1,13. Усл. печ. л. 1,05.
Заказ № 313т. Тираж 103 экз.

Изд. лицензия ЛР № 010221 от 03.04.1997

Отпечатано в ОАО «Издательство «Иваново»
153012, г. Иваново, ул. Советская, 49. Тел. 32-67-91.
E-mail: giaivan@mail.ru

10 -